



П. М. ФРИСТОУН

ЦВЕТОК
ТЬМЫ

Freedom

Москва

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Ф89

P.M. Freestone
Shadowscent: The Darkest Bloom
Text © P.M. Freestone, 2019

Фристоун, П. М.

Ф89 Цветок тьмы / П. М. Фристоун ; [перевод с английского Е. А. Сибуль]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Young Adult. Аромат тени).

ISBN 978-5-04-102017-0

В империи Арамтеш власть принадлежит тем, кто владеет ароматами.

В ночь Цветочной Луны, когда мрак окутывает землю, распускается темнейший из цветков — дахкаи. Его аромат способен подарить своему обладателю богатство, власть и могущество. Но увидеть волшебные бутоны можно лишь раз в тысячу лун.

Именно в эту ночь пламя охватило священные сады и среди огня обнаружили тело наследника престола, который пал жертвой древнего яда. Противоядие — лишь сказка, которой никогда не стать реальностью. Но Ракель, бедной девушке с талантом к магии ароматов, и верному телохранителю принца, Эшу, придется отыскать эликсир, способный излечить будущего правителя. Для этого они должны найти библиотеку, погребенную в песках, и раскрыть тайны, созданные на заре времен. Но для спасения империи Эшу и Ракель придется противостоять не только могущественной армии, но и внутренним демонам.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Сибуль Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102017-0

*Посвящается Роско, Лорен и Эми:
без вас существовал бы
лишь отголосок этих слов*

ГЛАВА 1

РАКЕЛЬ

В доме всегда пахло кострами, над которыми готовили еду, и пустынными розами, источавшими свой аромат только после заката.

В доме всегда стоял запах единственного источника воды на многие мили вокруг.

Я выглянула из окна спальни и всей грудью вдохнула ночной воздух. Когда боишься что-то вскоре потеть, то пользуешься любой возможностью насладиться этим.

Отец переехал сюда после смерти моей матери. Оазис на дороге в никуда походил на две сложенные ладони, удерживающие озерцо воды в безопасности от жадных песков. В озере плавали рыбы. И черепахи. Скальный инжир обрамлял берег, обеспечивая нас свежими плодами на один сезон. Оставшиеся мы высушивали на следующий. Не оставалось ничего лишнего. Никакой роскоши. Но отец покинул армию Афорайской провинции, когда я была еще маленькой. Он хотел подарить мне шанс на беззаботное детство. Простую жизнь, полную свежего воздуха, которая мне так нравилась.

До прихода Гнили.

Теперь в доме пахнет приближающейся смертью отца.

Со вздохом я закрываю ставни и пробираюсь в соседнюю комнату.

Бронзовый офицерский меч все еще висит на стене. Символ того уважения, которое когда-то вызывал отец. Но любят вас или презирают — как только Гниль забирается под кожу, ваши луны сочтены. Есть способы продлить отсчет. Однако для этого нужны зиги. Золотые зиги. Больше, чем я когда-либо смогу заработать, составляя деревенские парфюмы или мази от укусов песочных жал. Больше моего дохода на черном рынке города Афораи за лучшие цветочные масла.

У меня есть только один талант. И ему есть лишь одно применение.

По крайней мере, так я говорю себе, сантиметр за сантиметром подбираясь ближе к сундуку у изножья кровати отца. Я прячу трофей — именную печать — в своих одеждах.

— Рабель?

Сердце подпрыгивает. *Успокойся. Он снаружи перед домом.*

Я опускаю крышку сундука, убедившись, что замок вернулся на место — словно никогда и рядом с ним не стояла. После этого выхожу на улицу.

Все в деревне заснули. Все, кроме отца. Он сидит на высоком стуле у стены нашего глинобитного дома. Отец построил его, используя военные хитрости и приемы. Дом способен выдержать все — кроме самого мощного землетрясения. Эксперименты отца — при-

чина, по которой наше жилище стоит там, где рухнули все остальные.

Сейчас деревянный костыль покоится у стены на расстоянии вытянутой руки от отца. Его лицо подсвечено последними углями в костровой яме. Благовоние из бергамота клубится вокруг родной фигуры. Закатные насекомые, которых оно отпугивает, уже давно разлетелись. Однако отцу нравится этот чистый запах. При нормальных обстоятельствах это считалось бы расточительством. Но я знаю, что сошла бы с ума, если бы мне пришлось жить бок о бок с запахом разложения собственной плоти.

— Не можешь заснуть? — Я пытаюсь говорить беззаботно, несмотря на вину. По возможности стараюсь не делать глубоких вдохов.

Отец привлекает меня к себе и быстро обнимает — осторожно, позволяя мне касаться только его здоровой стороны.

— Ивовая кора закончилась.

— Мне казалось, у нас был запас на целую луну.

Он пожимает плечами.

Плохо. Действительно плохо. Но это лишь укрепляет мою решимость. Становится легче оправдать свой план. Легче его скрыть.

— Я куплю новый запас в Афораи. — По крайней мере, это правда.

Он качает головой.

— Со мной все в порядке. Не волнуйся.

— Да, в шестом аду все в порядке.

— Следи за словами.

Я показываю отцу язык и скашиваю глаза, глядя на него.

Отец посмеивается.

— Я бы не смог остановить тебя, даже если бы захотел, не так ли?

— Вряд ли. В любом случае я уже сказала, что подвезу Бардена. Его отпуск закончился. — Я надеваю сумку на плечо и целую колючую щеку отца. — Попробуй немного отдохнуть, ладно?

Он кивает.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Позади меня раздается шуршание шагов по песку. Вовремя.

Портупья и килт Бардена настолько новые, что все еще пахнут тимьяном. Эта пряность используется для маскировки запаха голубиной мочи из чана кожевника. Под ним ощущается знакомый запах пота. Однако все затмило янтарное масло. Афорайские дворцовые стражи обязаны его носить, чтобы не оскорбить аристократические носы своим запахом. Бьюсь об заклад: глаза аристократии не беспокоит блеск масла на мускулах. За несколько коротких месяцев с тех пор, как его приняли на службу, ежедневные тренировки сделали грудь Бардена шире. Хотя она и так уже была достаточно мощной, чтобы заставить половину тех, с кем мы выросли в деревне, оборачиваться. Слово он потомок Эшрадинорана.

Как будто Барден не знает об этом.

— Барден. — Отец приветствует моего старого друга. — Обрати на службу к выдающемуся губернатору нашей провинции? — В его голосе звучит еле заметная нотка горечи, пока отец пытается встать — он служил Эразу Афорайскому еще до рождения Бардена.

Барден делает шаг вперед, чтобы предложить отцу руку помощи.

— Не могу медлить, если хочу двигаться вперед. — Он смотрит на меня. — Но нет ничего лучше времени, проведенного дома.

Я избегаю его взгляда и поправляю ляжку сумки, которая и так не была перекручена.

Выпрямившись, отец тяжело опирается на костыль. Остатки его ноги — теперь едва ли ниже колена — беспомощно свисают. Я щурю глаза в лунном свете. Его бинты теперь завязаны выше, чем вчера?

Отец хромает к двери.

— Увидимся завтра вечером, да?

Лишь киваю в опасении, что голос не скроет ложь.

Когда отец исчезает в доме, я поворачиваюсь к Бардену:

— Готов?

— Насколько возможно.

Я направляюсь за дом. Барден следует за мной. За жердевым забором нас ожидают кобыла и мерин, лениво склонив головы и поставив заднюю ногу на кончик копыта.

Лил — самая большая лошадь, выведенная отцом. Даже больше своего старшего брата, который расположился рядом. Папа подарил ее мне на двенадцатый

день рождения. Мы вместе уже пять сезонов. Я назвала лошадь в честь *лиларии* из историй нашего деревенского рассказчика. Она темнее демонов тени из древней легенды, в два раза быстрее и с подходящим темпераментом. Отец сказал, что такое имя — плохая примета. Но к тому времени я уже не особо беспокоилась об Удаче или ее кузине Фортуне — обе повернулись ко мне спиной. Лил являлась демоном. Мы подходили друг другу идеально.

И вот этот демон просыпается. Лил отводит уши назад и подходит к нам.

Барден идет медленно. Он окидывает взглядом мою лошадь.

— Она когда-нибудь привыкнет ко мне?

— Сколько раз я тебе говорила, что здесь нет ничего личного? Она никого не любит. — И в этот момент Лил решает свесить голову через забор и потереться носом о мое плечо.

— Ну конееечно. — Барден передает мне свою сумку с экипировкой. Там столько всего, что кажется, будто она сейчас взорвется.

— Воняет, Бар. Что ты туда положил?

Он пожимает плечами.

— Ты все еще собираешься это сделать?

Я киваю, не доверяя своему языку, и привязываю наши сумки к седлу Лил.

Огромная рука останавливает мою.

— Знаешь, еще не слишком поздно выбрать должность размольтщицы благовоний. Луны из-за этого не столкнутся. Ты даже сможешь привыкнуть.

Вот опять. Барден считает, будто вещи происходят по какой-то определенной причине. Якобы у всех есть определенное судьбой место. Что так было записано на звездном колесе еще до того, как кто-либо вообще узнал о вонючем звездном колесе. Это одна из тех вещей, по поводу которой мы никогда не сможем прийти к согласию. Я выскользнула из его хватки и запустила пальцы в гриву Лил. Затем прижалась щекой к ее шее, вдыхая теплый лошадиный запах — словно спряталась под одеялом.

— Зарплаты порошковых крыс едва хватает для одного человека. — Я взглянула в сторону дома. — *Одного здорового человека.* Либо парфюмер, либо поражение. И решать нужно сейчас. Отец не может ждать еще одного поворота звездного колеса.

Барден вздрагивает от этой правды. Потом опускает руки на мои плечи.

— Есть и другие способы, Ракель. Я поднимаюсь все выше по карьерной лестнице воина. Уже посылаю половину своей зарплаты сестре. Скоро я смогу поддерживать тебя и твоего отца. — Он делает шаг ближе ко мне и обнимает меня.

Я нахожу утешение в знакомой надежности его тела, хотя и не могу позволить Бардену решать мои проблемы. К тому времени как его амбиции принесут плоды, может оказаться слишком поздно.

— И тогда, — бормочет он, — тебе не придется так рисковать.

Я напрягаюсь. Я люблю нашу деревню. Но если здесь ты делаешь что-то иначе — значит; ты сошел с пути. Парфюмеров Эраза, с другой стороны, поощряют за но-

вые творения. Щедро вознаграждают. Если бы я стала одной из них, не пришлось бы беспокоиться о цене самых лучших средств для замедления Гнили. Я смогла бы купить отцу больше времени. Я бы даже могла открыть новые лекарства. И была бы способна сама принимать решения насчет своего будущего, стоя на двух ногах, а не склоняясь в пыли перед благотворительностью Бардена.

Он выпрямляется.

— Если не можешь пообещать мне этого, пообещай кое-что другое?

Сейчас бравада уже не обманет его — даже если бы у меня нашлись на нее силы. Я поднимаю голову. Барден стоит на фоне луны и звезд, поэтому выражение его лица скрыто от меня.

— Пообещай мне, что будешь осторожна, — говорит он хриплым голосом. Барден опускает подбородок и почти незаметно наклоняется ближе.

Я отстраняюсь.

— Уже поздно, Бар. Нам нужно отправляться в путь. — Я беру поводья Лил и ставлю ногу в стремя.

Вздыхнув, Бар забирается позади меня.

— Вот, — его тихий голос звучит в моем ухе, — облокотись на меня.

Несмотря на растущее напряжение между нами, он все еще мой лучший друг. Мой единственный друг. И Бар всегда хранил мои секреты. Я позволяю себе расслабиться, прислонившись к его груди. Поездка до города займет ночь и день. Можно и ненадолго задремать.

— Лил, — бормочу я, закрывая глаза, — проследи, чтобы Барден оставался в седле, ладно?



В такие моменты мне бы хотелось иметь нос другого человека.

Афораи еще не видно, когда легкий ветерок пробирается по дюнам, принося с собой аромат городских улиц. В одно мгновение пустыня спокойна — здесь всего лишь Барден, моя лошадь и долгоиграющий острый запах верблюжьей колючки. Лил растоптала растение копытами некоторое время назад. А потом по мне ударяет волна ароматов высушенных фруктов, потных подмышек, а также всего спелого и прогорклого.

Барден сжимает мое плечо в приободрении.

Я подавляю тошноту и легонько толкаю Лил пятками. Мне нельзя пропустить встречу.

Первое здание, показавшееся из-за дюн, — это храм. Ступенчатая пирамида нависает над городом Афораи, словно припадающий к земле зверь. Это одно из немногих строений, которое выдержало столетия землетрясений. А стихии, надо сказать, расшатывают землю провинции. Верующие утверждают, будто храм был построен самими богами. В этой теории может быть крупица правды только в одном случае: если ваши боги — кабальный труд и бездонный кошелек.

Только когда Лил фыркает и начинает мотать головой, я понимаю: все мое тело напряжено, от бедра до плеча. Рука тянется к медальону под льняными одежками. Я наклоняюсь вперед и глажу лошадь по шее.

— Прости, девочка.

С такого расстояния жрицы действительно похожи на своих тезок — словно крошечные огненные птички